

В.М.БОРОДИЧ

БИБЛЕР В.С. “М.М. Бахтин, или Поэтика культуры”.
М.: Прогресс, Гнозис, 1991.

Вышедшая небольшим тиражом книга В.С. Библера “Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры” рискует пройти мимо даже тех немногих избранных читателей, на коих она, по словам самого автора, рассчитана. Подобное оказалось бы особенно досадным, поскольку в этой скромной по объему работе заложен богатышский идейный творческий потенциал, столь необходимый сегодня для всех, кто всерьез занимается культурологией и философией. Что же выделяет данную книгу из достаточно обильного на сегодня потока литературы, касающейся судеб культуры и человека? Прежде всего — высочайший профессионализм автора, знающего цену настоящей философии, чем и предопределяются прочие достоинства: глубина и отточенность мысли, оригинальность жанра, стиль. Книга по-хорошему “провокационна”, ибо проницательный читатель при общении с ней неизбежно будет втянут во встречное размышление над труднейшими проблемами, многие из которых лишь косвенно обозначены в самом тексте.

“Введение в чтение и адекватное понимание книг М. Бахтина” и “выявление соотношения между поэтикой культуры и философской логикой культуры” — так сформулировал основные задачи своей работы сам автор. Первая может показаться слишком частной, вторая, напротив, — абстрактной. Но таким образом еще более актуализируются два встречных потока, один из которых характерен собственно для искусства, а другой — для философии: выявление “всеобщности особенного” и “особенности всеобщего”.

Автор сразу же предупреждает, что Бахтин интересует его как философа и интересует как философ, или — как мыслитель, работающий на грани философии, филологии, литературоведения... В результате получилась книга, которую, на наш взгляд, можно смело рекомендовать как введение в философию как таковую, тем более — в современную философию. Естественно, что речь идет о подлинной философии, далекой от ее “школьной” интерпретации. Ну, а что же Бахтин? Именно он, как и В. Библер, помогает нам войти в философию, а также в культуру, а также — и постольку — обрести себя как личность, понять, что значит “быть личностью”. Но все это произойдет лишь в том случае, если мы совершим маленькое чудо — вступим в диалог. С предлагаемым текстом, с Бахтиным, с Библером, со всеми другими авторами, со всеми — как авторами, как личностями, Что значит “вступить в диалог”? Собственно, об этом вся книга, о которой, кстати, писать и говорить следовало бы также “в стиле” диалога.

Вклад Бахтина в философию как таковую Библер выражает предельно лаконично: открытие (раскрытие) основ гуманитарного мышления, понятого в его онтологической всеобщности. Примерно с середины прошлого века в философии и вокруг нее идет непрекращающийся спор: возможна ли философия как наука — по существу поставил проблему еще Кант — или она должна быть редуцирована к чему-то (к чему?) принципиально иному, а может быть, что полагалось ортодок-

сальным позитивизмом, и вовсе исчезнуть. После бахтинской “редукции” (не-редукции?) “всеобще-личностного субъекта” к “субъекту эстетическому” традиционное гносеологическое обобщение последнего становится невозможным. “Эстетический субъект” Бахтина не есть частность, которую можно подвести под более общее понятие. Он совершенно всецелостен, абсолютно замкнут “на себя”, благодаря “своему другому”, Ты. Кроме него вообще ничего нет. Собственно, это уже не “субъект” и не абсолютное гносеологическое “Я”, а Личность. Соответственно, и в области Логики — или философии, если таковую все же определять как Логику, — на смену “обобщению” должно прийти “общение”. Логика (философия), если она только хочет сохранить себя, должна “выйти” в “точку начала”, “на границу”, превратиться в Диалогику, в логику диалога. Будучи возведенной (“выведенной”) за пределы собственной внутренней территории, которая была отнюдь не ее (философии) сферой, но сферой науки, философская логика не только не исчезнет, но обретет — вернет себе — бесконечно мощную энергию. В бытии “на границе”, на границе между бытием и не-бытием, в “бытии-возможности” она станет действительно неограниченной, абсолютно целостной, единственной, всеобщей. “На границе” всеобщими, а значит, и единственными становятся все “логики”, ибо здесь — Царство свободы. Собственно, философия только такой “пограничницей” — и была. Всегда, а не только с появлением экзистенциализма. Была, пока она вообще оставалась философией — не по имени, а по духу. Философия — вечная странница. Пугаясь своей кажущейся неприкаянности, своей свободы, она стремилась “обустроиться”, погрязала в гносеологическом системотворчестве... Философию иногда называют “тоской по родине” или “дому”. Родина же ее — везде и нигде. Ее предмет — все и ничто. Та “ничейная земля”, граница, на которой только философия и пребывает, как философия, и есть ее “земля”, ее “родина”. Именовывать же эту “землю” можно и Диалогом, и Духом... — дело вкуса.

Философии нет там, где есть “о чем-то”. В этом смысле она беспредметна и никак не является наукой. Даже, тем более — “наукой о духе”. Философия — всегда “что-то”, обращенное к “чему-то”. Я — к Ты. Философия есть только там, где есть отношение Я-Ты. “Я-Оно” — удел науки. По крайней мере, “науки ремесленников”.

Библер отстраняет — отстраняет совершенно справедливо — Бахтина от всех прочих диалогистов, персоналистов, но это не значит, что их нельзя сравнивать. Проведенное в книге тщательно сравнение Бахтина с Когеном (а ведь тот не является собственно “диалогистом”) — блестящая демонстрация философской техники: предельное сближение, обострение, утрирование близости, а затем резкое отталкивание, разведение двух похожих, но абсолютно различных духовных вселенных. Не менее интересным было бы сравнение (диалог) Бахтина с С. Франком, или М. Бубером, или М. Хайдеггером. Но это — уже задача читателя, а не автора данной книги, — задача другого исследования.

Всякий текст порождает множество подтекстов. По отношению к интересующему нас тексту возможно, к примеру, следующее размышление.

Конец XIX — начало XX века. Кризис европейской цивилизации — культуры нового времени. Кризис, проявившийся как в Ренессансе,

так и в декадансе, кои по существу двуедины. Что случилось с самим этим “кризисом”? В Германии и России, как известно, произошел срыв в тоталитаризм. Для остальных он (кризис) как бы рассосался в форме “новой западной демократии”. Не разрешился, а именно “рассосался”. Оказался загнанным внутрь? Испуг от фашизма прошел, коммунизм также, вроде бы, канул в небытие. Что дальше? Для серьезных умов никогда не было секретом, что проблема только камуфлировалась, откладывалась на “лучшие времена”. Фон тоталитаризма этому благоприятствовал. Очевидно, что культура нового времени, зачатая в XVI веке, с ее верой в разум, науку, прогресс, давно себя исчерпала. XX век — век вакуума культуры, ее имитации. Восток? Ренессанс исламизма? Может быть, но то — дела Востока. Что Европа? Весь мир?

Кризис не может быть бесконечным(?). По идее он должен завершиться становлением “новой культуры”. По какому принципу произойдет это становление? Снятие? Деструкция?

Библер предполагает иной ход развития событий. Нечто вроде “конца истории”, эсхатологии. Эволюция Культур должна быть завершена, но завершена совершенно неожиданным образом. Итогом ее будет не какая-то “последняя” идеальная Культура, не синтез всех предшествующих, но их Диалог. Диалог всех культур как совершенно самостоятельных, как всеобщих и единственных... Блестящая, почти фантастическая “идея”! С одной стороны, она отвечает высшим философским образцам (антиномизм). С другой стороны, в ней явственны религиозные мотивы: воскресение, жизнь после смерти. И это при том, что Библер — отнюдь не религиозный философ.

Еще один “парадоксальный” момент библеровской философии — “реабилитация” кризиса, точнее — кризисности. Реабилитация — в смысле оборачивания, превращения. Кризисность из аномалии становится нормой, утверждает себя в качестве стабильности, устойчивости, т.е. перестает быть собственно кризисностью, оставаясь ею. Перестает быть “переходом” от одной культуры (эпохи) к другой, трансформируясь в Диалог между культурами. Говоря о “кризисности”, мы имеем в виду прежде всего высшую ее форму — Гуманизм. Гуманизм всегда возникал — в том или ином виде — в эпоху кризисов, был их характерной чертой. Гуманизм — “плоть от плоти” кризиса, он сам по себе — кризисное явление, с кризисом преходящее. Так вот: грядущий Диалог Культур есть не что иное, как торжество Гуманизма. Не “обольщайтесь”, не путайте его с гуманностью — их отношения весьма сложны. Торжество — не в качестве перехода, но в качестве Завершения — открытой завершенности! До сих пор — до начала подлинного Диалога Культур — Христос всегда порождает Великого инквизитора, постепенно вытесняясь им. Кстати, Великий инквизитор — куда гуманнее Христа, хотя Гуманист он никакой. Что нас ждет: дурная бесконечность, гибель или прорыв?

И еще одна “тема”: культура и варварство. В идее “прогресса”, столь разрекламированной в наше время, варварство представлено с максимальной силой. Что мы имеем в виду? Утрата смысла — более бессмысленной эпохи история, пожалуй, не знала. Предшествующие культуры, История — лишь лестница для непрерывного восхождения... Куда? К чему? Самая культурная эпоха (новое время — культура по преимуществу) породила дух варварства, пошлости, упадка, без-

нравственности. Хотя все это причесано, “облагорожено”. Философия, в частности, варварски сведена к науке. Личность — к индивиду, а то — и к “совокупности общественных отношений”. Тотальный культ безличности периодически порождает культ псевдоличности. Вместо общения — обобщение. Вместо понимания — куцее “познание”.

Культура, замыкающаяся в самой себе, обречена на вырождение. Такая культура уже изначально не есть культура, ибо истинная культура вне-находима, существует лишь в диалоге, на границе. Возможно, даже в диалоге с тем, что не есть культура — с Природой (вариант Хайдеггера). В этом есть какая-то маргинальность. А маргиналами традиционно считали варваров! В маргинализме усматривают один из источников тоталитаризма! Или есть культурные “варвары” (творцы культуры) и варварская “культура” (культура серости, безличности, эгоистической трусости)? Похоже, что в наш диалог включается Ницше...

Книга Библера вызывает и иные реминисценции. Книга эта приглашает к со-мышлению, к диалогу.